

УДК 347.5

DOI: 10.17223/22253513/29/19

Т.В. Шепель

ВНЕДОГОВОРНЫЕ ОХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА: СОСТОЯНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ

Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ впервые была предпринята попытка закрепить правила о применении общих положений об обязательствах в ст. 307.1 ГК РФ к договорным и внедоговорным правоотношениям. В соответствии с пп. 2 и 3 указанной статьи данные положения применяются и к некоторым видам охранительных обязательств. Названную новеллу ГК РФ автор статьи не считает удачной регламентацией охранительных обязательств. Предлагаются меры по совершенствованию норм Гражданского кодекса РФ об охранительных обязательствах.

Ключевые слова: *внедоговорные охранительные обязательства.*

В современный период одним из наиболее значимых критериев разграничения обязательств становятся функции, выполняемые ими, или их направленность. По данному критерию все обязательства могут быть дифференцированы на две группы: регулятивные и охранительные. Первая группа охватывает обязательства, которые опосредуют нормально возникающие экономические отношения. Вторая группа обязательств возникает, когда перемещение материальных благ и закрепление их за определенными лицами в том или ином звене оказываются нарушенными.

Примечательно, что первым видом обязательственных правоотношений были именно охранительные правоотношения, а само обязательственное право имеет своим источником деликтные отношения. Виднейший русский цивилист начала прошлого века И.А. Покровский, исследуя общую историческую эволюцию обязательств, пришел к выводу, что древнейший зародыш обязательственных отношений кроется в области гражданских правонарушений, в сфере деликтов [1. С. 236].

Интересна история появления такого деления обязательств. *В Риме* по основаниям возникновения обязательства выделялись следующие обязательства: 1) договорные (ex contractu); 2) обязательства из правонарушений (ex delicto); 3) обязательства как бы из договора (quasi ex contractu); 4) обязательства как бы из правонарушения (quasi ex delicto). В свою очередь, к обязательствам как бы из договора относились: а) ведение дел без поручения; б) причинение вреда без злого умысла.

Таким образом, четкого деления обязательств на охранительные и регулятивные в римском праве не было. Однако при квалификации обяза-

тельств по волеизъявлению сторон в римских источниках все же выделяют две группы: обязательства из правомерных действий сторон и обязательства из правонарушений (деликтов) [2. С. 370].

В законодательстве России общей категории охранительных обязательств также не существовало. В Своде законов гражданских *Российской Империи* отсутствовали отдельные разделы об охранительных обязательствах, лишь в гл. 5 содержались нормы о негативных гражданско-правовых последствиях неправомерных действий вне договора [3. С. 136–147]. В Проекте Гражданского уложения Российской Империи четко выделялись обязательства из договоров и обязательства, возникающие не из договоров. Вместе с тем какое-либо определенное разграничение последнего вида обязательств на охранительные и регулятивные также отсутствовало, в их числе назывались как регулятивные, например публичное обещание награды, так и охранительные правоотношения, например возвращение недолично полученного [4. С. 599–606]. В литературе дореволюционного периода описывались лишь отдельные виды внедоговорных охранительных правоотношений [1. С. 236–238].

В *Гражданском кодексе РСФСР 1922 г.* появились главы, посвященные отдельным видам внедоговорных обязательств: возникающим из конкурса (гл. 39), вследствие причинения вреда (гл. 40) и вследствие спасания социалистического имущества (гл. 41). *Гражданский кодекс РСФСР 1964 г.*, помимо названных разделов, содержал еще одну гл. 42 о кондикционных обязательствах. Каких-либо общих норм об охранительных обязательствах также предусмотрено не было.

В действующем *Гражданском кодексе РФ* существенно возросло число глав, посвященных обязательствам вне договора, путем включения новых: гл. 50 (действия в чужом интересе без поручения); гл. 56 (публичное обещание награды); гл. 58 (проведение игр и пари). Но общие правила об охранительных обязательствах продолжают отсутствовать. Новая ст. 307.1 ГК РФ не может претендовать на роль общей нормы об охранительных обязательствах, о чем будет сказано позже.

В гражданских кодексах стран СНГ наблюдается аналогичная картина: при отсутствии общих правил об охранительных обязательствах в них содержатся разделы, посвященные отдельным видам охранительных обязательств, как правило, обязательствам из причинения вреда и из неосновательного обогащения.

В цивилистической литературе советского периода долгое время не выделяли в качестве ведущего критерия классификации функции обязательства, таковым продолжало оставаться основание возникновения обязательства. Первые попытки определить сущность охранительных правоотношений были сделаны специалистами других отраслевых юридических наук, прежде всего Н.Г. Александровым, который назвал их охранительными [5. С. 176]. Позднее и ученые в области гражданского права более детально стали исследовать функции права как критерий классификации обязательств, не придавая им, как правило, доминирующего значения. Так, О.А. Красавчи-

ков обращал особое внимание при классификации обязательств на их направленность [6. С. 42–43]. «Ключом к классификации правоотношений (так же как и к классификации юридических норм), – отмечал С.С. Алексеев, – являются специально-юридические функции права, которые обуславливают своеобразие главных пластов правовой материи. Правоотношения же являются основными средствами, обеспечивающими реализацию юридических норм. Следовательно, особенности юридических норм проецируются и на область правовых отношений. Двум главным подразделениям юридических норм соответствуют два главных подразделения классификации правоотношений, – подразделению норм на регулятивные и охранительные соответствуют два одноименных вида правоотношений – регулятивные и охранительные...» [7].

Однако С.С. Алексеев считал, что с точки зрения функций гражданского права в целом охранительные правоотношения являются вторым слоем правовых связей, они «не могут рассматриваться как абсолютно самостоятельные обязательства – самостоятельные в том же самом смысле, что и договорные обязательственные отношения, опосредствующие нормальные хозяйственные связи...» [Там же. С. 42–44]. Данные идеи были в дальнейшем развиты представителями уральской юридической школы Т.И. Илларионовой, Д.Н. Кархалёвым, О.А. Красавчиковым, Д.А. Ушивцевой, О.Е. Черноvol, Я.Н. Шевченко, В.Ф. Яковлевым и др.

В современной цивилистической литературе отмечается, что разделение обязательств на договорные и внедоговорные искусственно разграничивает однородные, по сути, обязательства из различных сделок (договоров и, например, односторонних сделок, не являющихся договорами), однако объединяет в одну группу обязательства из правомерных действий (сделок, или обязательств, возникающих на основе закона) и из правонарушений [8. С. 18].

До появления докторской диссертации Д.Н. Кархалёва в российском гражданском праве не проводилось специальных исследований, посвященных охранительному гражданскому правоотношению, которое возникает при нарушении субъективного гражданского права (интереса). Концептуальное учение об охранительном гражданском правоотношении отсутствовало, оно исследовалось в науке гражданского права лишь в аспекте действия охранительных мер, через призму гражданско-правовой ответственности, защиты гражданских прав, санкций, охраны и гражданско-правового принуждения [9. С. 3].

Сейчас можно констатировать, что в литературе предложено достаточно аргументов для признания внедоговорных охранительных обязательств самостоятельным видом охранительных правоотношений:

- 1) основанием их возникновения является, как правило, неправомерное поведение, в том числе правонарушение;
- 2) в рамках охранительного правоотношения применяются меры государственного (правового) принуждения;
- 3) исполнение осуществляется в пользу потерпевшего;

- 4) это относительное правоотношение;
- 5) это правоотношение активного типа;
- 6) это правоотношение одностороннее.

В отдельных главах ГК РФ закреплены только два вида охранительных обязательств: обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения.

Однако в литературе современного периода исследуются и другие виды таких обязательств: реституционные (Д.О. Тузов, Д.Н. Кархалёв, Д.В. Лоренц и др.); виндикационные (Д.Н. Кархалёв, С.А. Краснова и др.); негаторные (Д.Н. Кархалёв и др.); конфискационные (Д.О. Тузов, Д.Н. Кархалёв и др.); неэквивалентные обязательства по возмещению убытков (В.В. Груздев, Д.А. Торкин и др.); охранительные обязательства, возникающие вследствие нарушения организационного правоотношения (В.В. Богданов, Д.Н. Кархалёв и др.). Есть основания полагать, что названными видами перечень охранительных обязательств не исчерпывается.

До 2015 г. в Гражданском кодексе РФ отсутствовали общие нормы об охранительных обязательствах. Д.Н. Кархалёвым было предложено дополнить ст. 307 ГК РФ правилом о том, что общие положения об обязательствах применяются к охранительному правоотношению по защите гражданских прав, что позволило бы судам применять к нему нормы общей части обязательственного права [9. С. 11–12].

Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» впервые была предпринята попытка закрепить правила о применении общих положений об обязательствах в ст. 307.1 ГК РФ. В соответствии с п. 2 данной статьи к обязательствам вследствие причинения вреда и к обязательствам вследствие неосновательного обогащения общие положения об обязательствах применяются, если иное не предусмотрено соответственно правилами глав 59 и 60 ГК РФ или не вытекает из существа соответствующих отношений.

Названную новеллу Гражданского кодекса РФ вряд ли можно назвать успешной попыткой закрепления общих норм об охранительных обязательствах. Из п. 2 ст. 307.1 ГК РФ следует, что к числу самостоятельных внедоговорных охранительных обязательств законодатель относит только два вида: деликтное и кондикционное. Достижения цивилистической науки в исследовании видов охранительных обязательств не учтены; классификация внедоговорных охранительных правоотношений, по сути, остается на прежнем уровне. Поэтому для правоприменителя продолжает оставаться неясной возможность распространения на другие охранительные обязательства общих положений об обязательствах. В связи с этим остаются нерешенными вопросы применения к другим внедоговорным охранительным правоотношениям правил об исполнении обязательств (о сроках, валюте денежного обязательства, месте исполнения обязательства и т.д.).

Справедливости ради нужно упомянуть о п. 3 этой же статьи, где сказано, что общие положения об обязательствах применяются к *требованиям*:

1) возникшим из корпоративных отношений; 2) связанным с применением последствий недействительности сделки, если иное не установлено ГК РФ, иными законами или не вытекает из существа соответствующих отношений.

Вряд ли редакцию названного пункта можно признать удачной. *Во-первых*, речь в нем идет не о правоотношениях, к которым применимы общие положения об обязательствах, а о требованиях. Слово «требование» само по себе имеет многосмысловое значение. В гражданском праве оно ассоциируется прежде всего с правом требования к обязанному лицу совершить какие-либо действия или воздержаться от их совершения, которое принадлежит управомоченному субъекту (потерпевшему, кредитору, субъекту вещного права и т.д.). Такому праву корреспондируют обязанности определенного или неопределенного круга обязанных лиц, что свидетельствует о наличии между ними правовой связи, а это значит, что оно (право требования) не существует вне правоотношения. Поэтому вполне логично было бы указать в анализируемом пункте на применение общих положений об обязательствах к иным правоотношениям, следовательно, и к требованиям.

Во-вторых, законодатель ограничился указанием на два вида требований, к которым применимы общие нормы об обязательствах: корпоративные и связанные с применением последствий недействительности сделки. Можно было бы объяснить такой подход неясностью природы многих внедоговорных, в том числе охранительных, правоотношений. Действительно, концепция охранительного обязательства и его системы еще недостаточно обоснована. В частности, в литературе высказаны разумные аргументы против признания обязательствами виндикационных и негаторных притязаний, к которым не может быть применен ряд общих положений об обязательствах: о замене реального исполнения на возмещение убытков; об уступке права требования; о невозможности прекратить виндикацию зачетом, отступным, новацией и т.д. Однако неоднозначность природы реституционных и корпоративных отношений не помешала законодателю распространить на них нормы об обязательствах.

В-третьих, к сожалению, в ст. 307.1 ГК РФ вообще не упоминается о еще одном виде внедоговорных охранительных обязательств – обязательстве по возмещению убытков, возникших вне договора, хотя норм о них в кодексе более чем достаточно: 1) они содержатся в ряде статей гл. 60 ГК РФ о кондикционных обязательствах (п. 2 ст. 1104, п. 1 ст. 1105, ст. 1107 ГК РФ и др.); 2) о возмещении убытков говорится в ряде статей о недействительных сделках (абз. 3 п. 1 ст. 171, абз. 2 и 3 п. 6 ст. 178, п. 4 ст. 179 ГК РФ и т.д.); 3) в ГК РФ закреплены нормы: о возмещении убытков при нарушении преддоговорных правоотношений, вызванных задержкой в совершении или регистрации сделки, стороной, необоснованно уклоняющейся от нотариального удостоверения или государственной регистрации сделки (п. 4 ст. 165 ГК РФ); о возмещении убытков стороной предварительного договора при ее уклонении от заключения основного договора (п. 5 ст. 429 ГК РФ); о возмещении убытков стороной, необоснованно уклоняющейся от заключения договора, если такое заключение для нее

является обязательным (п. 4 ст. 445 ГК РФ) и др.; 4) в гл. 14 ГК РФ предусмотрены нормы о возмещении убытков за нарушение вещных прав. В соответствии с п. 3 ст. 220 ГК РФ собственник материалов, утративший их в результате недобросовестных действий лица, осуществившего переработку, вправе требовать передачи новой вещи в его собственность и возмещения причиненных ему убытков. В п. 4 ст. 227 ГК РФ предусмотрена ответственность нашедшего вещь за ее утрату или повреждение в пределах стоимости вещи и т.д.

Анализ новых норм ГК позволяет сделать вывод о расширении сферы применения правил о возмещении внедоговорных убытков. Статья 53.1 ГК РФ, введенная Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ, предусматривает возмещение убытков лицом, уполномоченным выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица и лиц, определяющих действия юридического лица. Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ предусмотрено возмещение убытков при недобросовестном ведении или срыве переговоров о заключении договора (ст. 434.1 ГК РФ), а также при предоставлении недостоверных заверений об обстоятельствах, имеющих значение для заключения договора, его исполнения или прекращения в процессе заключения договора либо до или после его заключения (ст. 431.2. ГК РФ). Это далеко не полный перечень норм ГК РФ, предусматривающих возмещение внедоговорных убытков.

Таким образом, решение законодателя в части законодательной регламентации охранительных отношений, воплощенное в пп. 2 и 3 ст. 307.1 ГК РФ, представляется половинчатым и не способствует достижению цели их эффективного правового регулирования. Правила ст. 307.1 ГК РФ должны иметь более общий характер и быть применимы не только к известным случаям возмещения причиненного вреда (гл. 59 ГК РФ) или неосновательного обогащения (гл. 60 ГК РФ), но и к иным отношениям, возникшим при нарушении гражданских прав вне договора. Предлагается изменить редакцию п. 2 ст. 307.1 ГК РФ следующим образом: «К обязательствам вследствие причинения вреда и к обязательствам вследствие неосновательного обогащения, а также к иным правоотношениям, возникшим при нарушении гражданских прав, общие положения об обязательствах (настоящий подраздел) применяются, если иное не предусмотрено специальными правилами настоящего Кодекса или не вытекает из существа соответствующих отношений». Соответственно, из п. 3 данной статьи следует исключить указание на требования, связанные с применением последствий недействительности сделки.

Нередко нарушение гражданских прав (вещных, интеллектуальных, преддоговорных и т.д.) лиц, не связанных между собой договором, сопряжено с убытками. Не вызывает сомнений, что обязательства по их возмещению являются внедоговорными охранительными обязательствами. Вопрос об их природе в цивилистической литературе является спорным, правда, в основном оценка существа таких обязательств, как правило,

осуществляется применительно к отдельным видам обязательств о возмещении убытков, в частности при недействительности сделки, при их возмещении органами юридического лица; при анализе виндикационного, негаторного, реституционного и иных охранительных правоотношений.

Существует мнение, что обязательство по возмещению «внедоговорных убытков» является деликтным. Логика в таких рассуждениях есть – само обязательство возникает при наличии убытков, которые представляют собой денежную форму вреда. Если же рассматриваемое обязательство является деликтным, нет никаких оснований для критики ст. 307.1 ГК РФ. Позиция законодателя, назвавшего в числе охранительных обязательств только деликтные и кондикционные, представлялась бы вполне понятной и обоснованной. Однако, на мой взгляд, это лишь кажущееся, поверхностное впечатление.

Анализ норм о деликтах в действующей редакции позволяет усомниться в возможности их применения к многочисленным случаям возмещения внедоговорных убытков. Вообще деликтное право – относительно стабильный институт отечественного гражданского права, долгие годы не подвергавшийся существенным изменениям. Не повлияли на стабильность его норм ни революционные преобразования в экономике, ни принятие на рубеже XX столетия Гражданского кодекса РФ. Процессы реформирования гражданского законодательства не отразились на фундаментальных категориях деликтного права.

Глава 59 ГК РФ о деликтных обязательствах не рассчитана на многообразные случаи причинения убытков вне договора, в данной главе деликт понимается узко, как прямое причинение вреда жизни, здоровью или имуществу потерпевших. Специальные деликты давно известны. Среди них нет ни одного, который мог бы быть применен к названным ранее случаям возмещения внедоговорных убытков. Так, ст.ст. 1068, 1069, 1070 ГК РФ предусмотрены правила о возмещении вреда, причиненного работниками организации, должностными лицами государственных органов и органов и органов местного самоуправления. Но нет ни одной специальной нормы, в соответствии с которой можно было бы возместить убытки, причиненные органами юридического лица.

На мой взгляд, проблема могла бы быть решена, если бы гл. 59 ГК РФ законодатель придал универсальный характер и предусмотрел норму, подобную ст. 1103 ГК РФ, о возможности применения данной главы в случаях причинения внедоговорного вреда в форме убытков. С этой целью предлагается дополнить ст. 1064 ГК РФ пунктом 4 в следующей редакции:

«4. Поскольку иное не установлено настоящим Кодексом, другими законами или иными правовыми актами и не вытекает из существа соответствующих отношений, правила, предусмотренные настоящей главой, подлежат применению также к требованиям о возмещении убытков, не связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением договорных обязательств».

Литература

1. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права (по изд. 1917 г.). М. : Статут, 1998. 353 с.
2. *Яковлев В.Н.* Древнеримское частное право и современное гражданское право : учебник. М. : Волтерс Клувер, 2010. 938 с.
3. *Свод законов Российской Империи.* Т. X, ч. 1: Свод законов гражданских. Изд. 1914 г. // Кодификация российского гражданского права: Свод законов гражданских Российской Империи, Проект Гражданского уложения Российской Империи, Гражданский кодекс РСФСР 1922 года, Гражданский кодекс РСФСР 1964 года. Екатеринбург : Изд-во Ин-та частного права, 2003. С. 136–147.
4. *Гражданское уложение.* Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения // Кодификация российского гражданского права: Свод законов гражданских Российской Империи, Проект Гражданского уложения Российской Империи, Гражданский кодекс РСФСР 1922 года, Гражданский кодекс РСФСР 1964 года. Екатеринбург : Изд-во Ин-та частного права, 2003. С. 599–606.
5. *Александров Н.Г.* Законность и правоотношения в советском обществе. М. : Госюриздат, 1955. 176 с.
6. *Красавчиков О.А.* Система отдельных видов обязательств // Советская юстиция. 1960. № 5. С. 42–43.
7. *Алексеев С.С.* Предмет советского гражданского права и метод гражданско-правового регулирования // Антология уральской цивилистики. 1925–1989 : сб. ст. М. : Статут, 2001. С. 42–44.
8. *Гражданское право : в 2 т. : учебник / отв. ред. Е.А. Суханов.* М. : БЕК, 1998. Т. 2, полутом 1. 816 с.
9. *Кархалёв Д.Н.* Концепция охранительного гражданского правоотношения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 46 с.

Shepel Tamara V., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

NON-CONTRACTUAL GUARDING OBLIGATIONS: THE STATE OF LEGISLATION AND CIVIL DOCTRINE

Keywords: non-contractual guarding obligations.

DOI: 10.17223/22253513/29/19

During the modern period one of the most significant criterion for differentiation of obligations are their functions or their orientation. According to this criterion, all obligations can be differentiated into two groups: regulatory obligations and guarding ones. The first group covers obligations, which mediate normally arising economic relations. The second group of obligations arises when the movement of material benefits and their reservation for certain persons in this or that link is broken.

It is remarkable that a guarding legal relationship was the first type of a binding legal relationship, and delictual relations form the source of liability law. The most prominent Russian civilian of the beginning of the last century I. A. Pokrovsky investigated the general historical evolution of obligations and concluded that the most ancient germ of binding relations lies in the field of torts, in the sphere of delicts.

The history of emergence of such a division of obligations is interesting. In Rome, they separated the following obligations on the bases of their origin: 1) contractual (*ex contractu*); 2) obligations arising from offences (*ex delicto*); 3) obligations as if under the contract (*quasi ex contractu*); 4) obligations as if from an offence (*quasi ex delicto*). In their turn, obligations as if under the contract included: a) acting without mandate (*negotiorum gestio*) and b) infliction of harm without evil intention.

Thus, Roman law had no accurate division of obligations into guarding and regulatory ones. However, when classifying obligations according to the will parties, the Roman sources separate two groups: 1) obligations arising from lawful actions of the parties and 2) obligations arising from offences (delicts) [2. Page 370].

There was no general category of guarding obligations in the legislation of Russia. The Code of civil laws of the Russian Empire did not have separate sections on guarding obligations, only Chapter 5 contained norms on negative civil consequences of illegal actions out of the contract.

In the current Civil Code of the Russian Federation, the number of chapters devoted to obligations out of the contract has significantly increased: Chapter 50 (acting in others' interests without a mandate); Chapter 56 (pledge of an award); Chapter 58 (holding games and bet). Nevertheless, the general rules about guarding obligations continue to be absent. New Article 307.1 of the Civil Code of the Russian Federation cannot claim to a role of the general norm on guarding obligations.

References

1. Pokrovskiy, I.A. (1998) *Osnovnyye problemy grazhdanskogo prava (po izd. 1917 g.)* [The main problems of civil law (ed. 1917)]. Moscow: Statut.
2. Yakovlev, V.N. (2010) *Drevnerimskoye chastnoye pravo i sovremennoye grazhdanskoye pravo* [Ancient Roman private law and modern civil law]. Moscow: Wolters Kluwer.
3. Russian Federation. (2003a) *Svod zakonov Rossiyskoy Imperii. T. X, ch. 1: Svod zakonov grazhdanskikh. Izd. 1914 g.* [Collection of laws of the Russian Empire. Vol. 10(1). Collection of civil laws. 1914]. In: *Kodifikatsiya rossiyskogo grazhdanskogo prava: Svod zakonov grazhdanskikh Rossiyskoy Imperii, Proyekt Grazhdanskogo ulozheniya Rossiyskoy Imperii, Grazhdanskiy kodeks RSFSR 1922 goda, Grazhdanskiy kodeks RSFSR 1964 goda* [Codification of Russian Civil Law: Code of Civil Law of the Russian Empire, Draft Civil Code of the Russian Empire, Civil Code of the RSFSR of 1922, Civil Code of the RSFSR of 1964]. Ekaterinburg: Institute of Private Law. pp. 136–147.
4. Russian Federation. (2003b) *Grazhdanskoye ulozheniye. Proyekt Vyschayshe uchrezhdennoy Redaktsionnoy Komissii po sostavleniyu Grazhdanskogo Ulozheniya* [Civil Code. Draft of the Highest Established Drafting Commission on the Compilation of Civil Code]. In: *Kodifikatsiya rossiyskogo grazhdanskogo prava: Svod zakonov grazhdanskikh Rossiyskoy Imperii, Proyekt Grazhdanskogo ulozheniya Rossiyskoy Imperii, Grazhdanskiy kodeks RSFSR 1922 goda, Grazhdanskiy kodeks RSFSR 1964 goda* [Codification of Russian Civil Law: Code of Civil Law of the Russian Empire, Draft Civil Code of the Russian Empire, Civil Code of the RSFSR of 1922, Civil Code of the RSFSR of 1964]. Ekaterinburg: Institute of Private Law. pp. 599–606.
5. Aleksandrov, N.G. (1955) *Zakonnost' i pravootnosheniya v sovetskom obshchestve* [Law and legal relations in Soviet society]. Moscow: Gosyurizdat.
6. Krasavchikov, O.A. (1960) *Sistema otdel'nykh vidov obyazatel'stv* [The system of certain types of obligations]. *Sovetskaya yustitsiya*. 5. pp. 42–43.
7. Alekseyev, S.S. (2001) *Predmet sovetskogo grazhdanskogo prava i metod grazhdansko-pravovogo regulirovaniya* [The subject of Soviet civil law and the method of civil law regulation]. In: Alekseyev, S.S. et al. *Antologiya ural'skoy tsivilistiki. 1925–1989* [Anthology of the Ural civil law. 1925–1989]. Moscow: Statut. pp. 42–44.
8. Sukhanov, E.A. (ed.) (1998) *Grazhdanskoye pravo: v 2 t.* [Civil Law: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: BEK.
9. Karkhalov, D.N. (2010) *Kontseptsiya okhranitel'nogo grazhdanskogo pravootnosheniya* [The concept of protective civil relations]. Abstract of Law Dr. Diss. Ekaterinburg.